

Чешский прозаик, эссеист, публицист, драматург Иван Клима родился в 1931 году. Литературный дебют его состоялся в 60-е годы. В преддверии Пражской весны Иван Клима руководил самыми прогрессивными журналами — «Литературные новости», «Литературные листы», «Листы». С 1969 года по 1989-й — правозащитник, диссидент. Произведения его в это десятилетие публиковались в «самиздате» или за рубежом. Он — автор известных романов: «Любовное лето», «Любовь и мусор», «Судья из милости», «Песнь», «Кондитерская «Мирум», «Министр и ангел», «Жених для Марцеллы». На русский язык переведены рассказы Климы.

«Замок» — пьеса, сочетающая в себе элементы реалистического и абсурдистского театров.

В некоем Замке собираются люди, некогда осуществившие власть в стране. Они живут в полной изоляции от мира, проводящая считая себя «очень ответственными» работниками, формостом экономики и политики. Но внезапно в Замке начинают происходить странные события: например, убийство, похожее на неожиданную смерть, которое так и не раскрыто до конца.

Полностью пьеса Ивана Климы «Замок» будет опубликована в журнале «Театр», который любезно предоставил «ЭС» отрывок.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алеш — неписующий писатель.
Бернард — философ, большую часть времени простаивающий у окна.
Цирил — преподаватель физкультуры, ныне уполномоченный по ликвидации памятника.
Официантка.
Доктор.
Эмиль — биолог.
Филиппа — его жена.
Густав — обладатель множества профессий.
Габа — следователь.
Илья — с самого начала мертв.
Иозеф Кан.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната первая. Комната в замке.

В темноте слышен долгий придушенный крик. Тишина. Крик повторяется. Ужасный крик человека, которого душат и он не может освободиться от сжимающих горло тисков. Крик стихает. Мгновение тишины. Чьи-то быстрые шаги, звук отодвигаемой ширмы. Свет озаряет руку, протянутую к шнурку люстры. Люстра загорается. Посреди сцены — постель с мертвым Ильей, возле постели стоит Цирил, что-то запикивает в карман. Бернард у окна, открывает ставень. Эмиль неподвижно сидит на стуле, лицом к зеркальному шкафу. В комнате еще несколько кресел и старомодный письменный стол. На задний стене картина, изображающая рыцаря, у боковой стены — большая выкружочившая ширма. Одновременно с появлением света вбегает Филиппа, обращает на себя внимание ее распущенные волосы — она явно собиралась причешься.

Алеш. Я тут проходил мимо, просто так, прогуливался перед ужином и вдруг — крик. Все должны были его слышать. Вбежал по лестнице, открыл дверь.

Цирил. Не постучав?

Алеш (с оттенком негодования, поражен неуместным вопросом). Не стану же я стучать, когда вижу, что кто-то нуждается в помощи!

Цирил. Откуда ты узнал, кто кричит?

Алеш. Он кричал.

Цирил. Откуда ты узнал, кто кричит?

Алеш (оскорбленно). Разве нельзя определить по голосу? Как-никак мы все друг друга немного знаем.

Филиппа. Кошмарный крик! Мне показалось, будто воеет животное.

Эмиль (не двигаясь с места, тоном негодования). Кто-нибудь из вас хоть слышал, как кричит в предсмертном страхе животное?

Филиппа. Не смейте так о нем говорить!

Эмиль. Когда я испытывал новые гормоны и ассистенты делали инъекции собакам... Никогда я не мог определить, которая из них воеет. Боль и ужас способны изменить голос.

Филиппа. Ты остротелен.

Бернард (от окна). Почему остротелен? Любое событие вызывает ряд ассоциаций. А в определенном возрасте и при определенных условиях мы уже не воспринимаем ничего, кроме сублимных ассоциаций.

Алеш. Я открыл дверь — он лежал вот так... (Непроизвольно отирает руки о штаны).

Филиппа. А может, он жив?

Бернард (от окна). Никакой надежды. Навек и абсолютно мертв.

Филиппа (прикрыв ладонями глаза). Тогда почему мы все стоим?

Алеш. Я решил — ему только душно. Кричу: Что с тобой, Илья? Тебе плохо, Илья? (Пауза). Не шелкнулся.

Цирил. Да, похоже на инфаркт. (Алешу). Но ведь ты должен был идти через двор, когда услышал крик.

Филиппа. Помолчите хоть немножко, если не умеете иначе выразить сочувствие!

Эмиль. Зато ты выражаешь его сверх всякой меры! Алеш. Для чего тебе знать, куда я шел?

Цирил. Дело в том, что я все это время стоял у окна (Со значением смотрит на Бернарда). Подчеркиваю: у своего окна.

Алеш (задумчиво). Не понимаю, к чему эти подробности?

Цирил. Целых полчаса никто через двор не проходил. Шел дождь.

Бернард. И верно, льет вовсю.

Алеш. Я повторил еще раз: Что-нибудь случилось, Илья? И вдруг заметил, как он бледен. И подумал: инфаркт.

Филиппа (склонившись над мертвым). В его глазах ужас. Он явно чувствовал, как приближается... конец.

Алеш. Все мы предчувствуем конец. И несчастное животное...

Бернард. Но человек до последней секунды убеждает себя, что он ошибается. Человек думает и поэтому может себе лгать. В этом, по сути, и заключается главный смысл его способности к мышлению.

Цирил (спокойно). Заявляю: хотя шел дождь, на тебе не плаща. И хотя на тебе нет плаща, ты совершенно сухой.

Пауза, минута полного оцепенения.

Бернард (у окна). Льет как из ведра. Не абсурд ли: лежать здесь и даже не знать, что идет дождь.

Филиппа (всклинув). Еще вчера вечером он был совершенно здоров.

Цирил. Ты хочешь сказать... Сегодня ночью он был еще полон энергии?

Эмиль. Это переходит всяческие границы! Мы тут... Ты тут не в спорте!

Филиппа (продолжая вскрикивать). Почему никто не откроет окно?

Бернард. И впрямь занятию! Дождь! Миллиарды лет шел дождь. А мы?

Алеш. Такова судьба. Но он был молод, у него были планы. И хотя я никогда не был приверженцем этой его кибернетики, что может подтвердить и Густав. (Поворачивается к месту, где должен стоять Густав. Раздосадован). Почему нет Густава?

Цирил. Все это время я простоял у окна. Мое окно — напротив. Тут горел свет.

Алеш. У него уже был собран материал для работы. (Жест в сторону шкафа). Он мне показывал. И тогда, — сказал, — труд многих людей окажется на напрасным. Возможно, он имел в виду (Густаву — подчеркнуто) и тебя.

Цирил. Здесь все время горел свет!

Алеш. Наверняка это была бы выдающаяся работа.

Цирил. Обычно люди, готовящие выдающуюся работу, не вызывают у тебя восторга. Я бы даже сказал: скорее ты их ненавидишь. Разумеется, пока они живы!

Алеш (резко обернувшись). А как попал сюда ты? Тебе тоже нужно было пересечь двор!

Бернард (на мгновение отделившись от окна, подходит к Цирилу, ощупывает его белую силовую рубашку). Действительно — совершенно сухая! (Хочет вернуться к окну).

Цирил (задержав его, ощупывает его рубашку). И твои дела ничуть не лучше.

Эмиль (совершенно спокойно). А я? Почему я? Откуда я тут взялся?

Бернард (от окна). Чувственный абсурд, но именно сейчас... сюда идет кто-то чужой.

Алеш. Невероятно! Теперь Но ведь тут никогда... Бернард (безучастно). Несет чемодан и зонтик. Не сколько несомненного вида, вам не кажется?

Алеш (еще изумленно). Вроде бы молодой. (Уже спокойно). Когда-то дочь мне писала... Среди молодежи входит в моду чужд ли не средневековье. Ботинки с задранными носами. И понятное дело — зонтики!

Филиппа. Помолчите, пожалуйста, если не можете придумать ничего путного. Тут мертвый, господа.

Цирил. Действительно. Что-то надо делать.

Бернард (Алешу). Ты не хотел бы произвести не сколько слов?

Алеш (молча). Почему именно я?

Цирил (со значением). Именно ты!

Эмиль (привстав). Прошу тишины. Я больше не хочу с вами...

Секундное оцепенение. Эмиль, пристально посмотрев на изображение рыцаря, снова садится.

Алеш (сложив ладони). Не хотелось бы произносить речей. Но он был одним из нас. Это был наш человек. Избранный той же волей, что все мы. Он приехал, чтобы здесь сосредоточиться над своей работой. (Пауза. Шаги. Кто-то поднимается по лестнице. В комнате странное оцепенение). Над большой творческой работой, которой он отдал столько любви. Не могу, говоря о нем, не произнести это слово: любовь. Он был исполнен любви ко всему, что мы называем жизнью. И к нашему народу. (Пауза. Стул в дверь).

К нашим общим стремлениям! Он был словно горячий источник, еще не закипевший, но могущий. Помню... (Рухнула дверь медленно поворачивается, дверь протворяется, входит Иозеф Кан; увидев застывшую группу, снимает шляпу — и тут же сам застывает)... — сколько раз и я в беседах с ним черпал силы и новую решимость для еще более энергичного и самоотверженного труда! (Пока он говорит, остальные медленно поднимают головы и, не двигаясь с мест, наблюдают за Иозефом Каном). И еще вспоминаю, как однажды, когда мы, сидя за столом, все вместе рассуждали о будущем, которое всех нас ожидает, кажется, ты, Цирил, произнес прекрасные слова... (Неожиданно прервав речь, Иозеф). Вы кого-нибудь ищете?

Иозеф. Простите, я никак не мог... я, право же,

не ожидал, увидел свет в окне... Я пришел в такой печальный момент. Разумеется, я никого здесь не знаю. Однако примите мое искреннее соболезнование. (Останавливает взгляд на заплаканном лице Филиппы). Мне в самом деле искренне жаль. Вам это, очевидно, причиняет боль.

Филиппа (подойдя к Иозефу). А вы пришли... к кому?

Иозеф. Дело в том... не могу понять, каким образом это случилось, но меня выбрали. (Достает большой кожаный бумажник, из него — старательно сложенный листок, читает). Уважаемый товарищ, мы узнали... Простите, в такой ситуации это неуместно.

Алеш. Продолжайте, продолжайте.

Бернард (от окна). Не существует уместных и неуместных ситуаций. Есть лишь ситуации, которые останутся в нашей памяти или сотрутся из нее.

Цирил (с коротким смехом). Ваше появление наверняка останется в моей памяти. Хотя бы благодаря этому зонтику.

Иозеф. Простите, я в самом деле не знал. (Прячет зонтик за спину, рассеянно читает). «Чтобы облегчить ваш труд, который несомненно станет важным вкладом в жизнь нашего общества, приглашаем вас на неограниченное время поселиться в Замке». Странно, не правда ли? Я никогда не подозревал, что когда-нибудь смогу попасть в общество столь значительных мужей. Простите, а тут еще эта неожиданная ситуация. Меня зовут Иозеф Кан. Можете мне не представляться, я всех вас в общем-то знаю. По фотографиям. А вас, товарищ (Повернувшись к Алешу), даже однажды слышал, я тогда был студентом и вы приезжали к нам... В то время вы еще... прошло не менее десяти лет, вы, понятно, не можете помнить, но для меня это незабываемо. Вы сказали нам тогда: «Художник, как и любой гражданин, прежде всего боец. А первейшее оружие бойца — оптимизм. И это была великая правда. По крайней мере тогда, разумеется» с тех пор мы все немного созрели, простите, я понимаю, в такую минуту, когда тут лежат мертвые...

Густав до сей поры укрытый за ширмой, выходит. Иозеф поражен, но остальные все обращают на Густава внимания. Густав одет несколько необычно: поверх клетчатой рубашки наброшен прозрачный полиэтиленовый плащ, на ногах узкие черные ботинки и туристские башмаки. Бодрым шагом подходит к постели.

Густав. Какой страшный ливень! Что тут произошло? Илья! Мертв?! Инфаркт?

Никто не обращает на него внимания.

Алеш (Иозефу). Продолжайте, продолжайте!

Иозеф. Думаю, мне надо... лучше я вас покину. Пойду устраиваться. (Разворачивает свою бумажку). Комната двадцать семь...

Общее оцепенение. Пауза.

Цирил. Покажите, пожалуйста. (Берет бумажку). Комната двадцать семь, второй этаж.

Иван КЛИМА

ЗАМОК

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПЬЕСЫ)

Листок переходит из рук в руки.

Иозеф. Достаточно будет, если вы укажете мне дорогу. Я с детства плохо ориентируюсь. (Мучительная пауза). Хотя, простите, у вас тут другие заботы. (Поворачивается к выходу).

Цирил. Никуда не ходите. Это удивительно, но вы здесь... на месте. Нам не остается ничего иного, как поскорее освободить для вас постель.

Иозеф (поражен). Я не подозревал. Но не могу же я тут... (Подойдя к постели, впервые склоняется над мертвым). Профессор?

Алеш. Неожиданно. Инфаркт. Такой молодой — и инфаркт.

Цирил. Перетрудились. (Выразительно посмотрел на Филиппу, нагло). Он ни в чем не знал меры.

Иозеф. Но не могу же я тут спать!

Алеш. Не беспокойтесь, приятель. Придут уборщицы, наведут порядок.

Густав. Молодой человек, на этой постели спало уже столько...

Бернард. Ощущаете груз минувших столетий? Тут любой из нас...

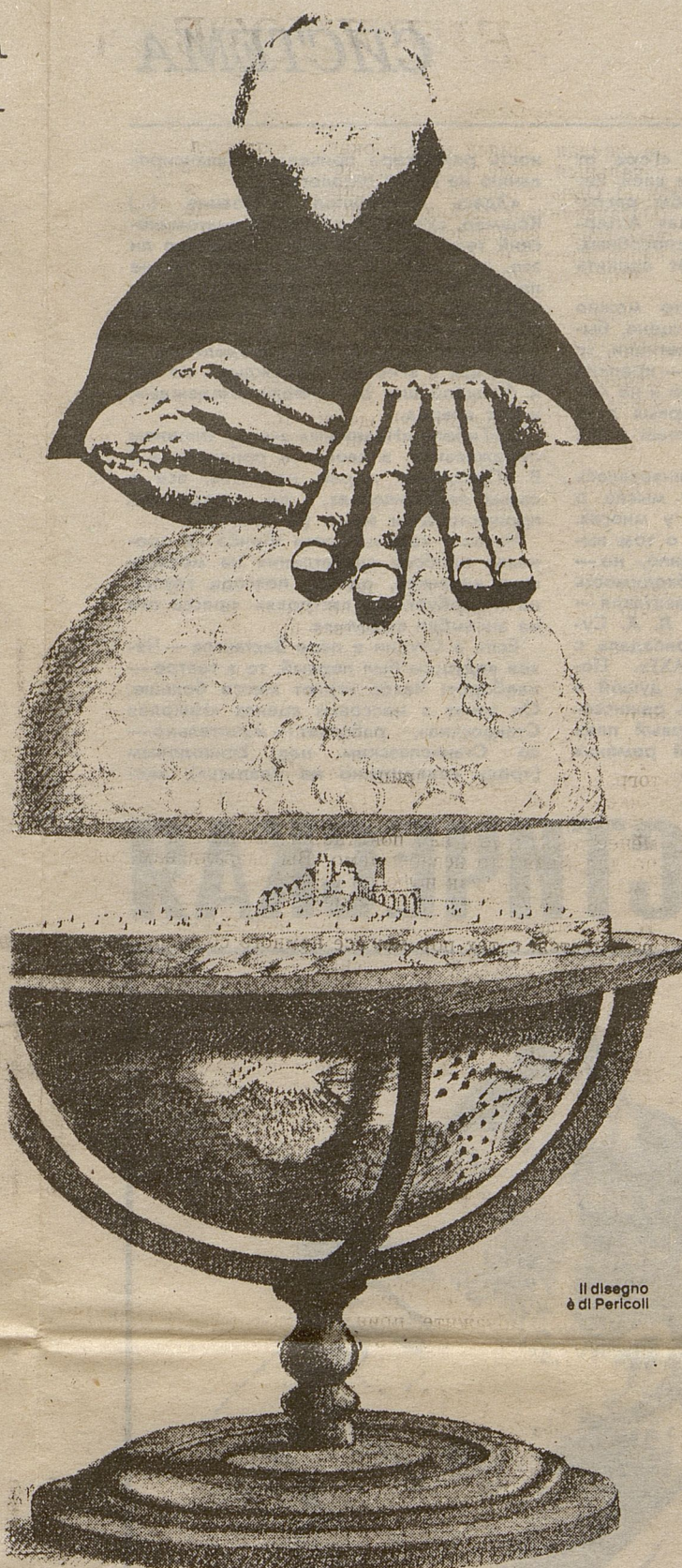
Иозеф. Но, очевидно, должен прийти доктор. А потом — здесь его вещи!

Густав. Присаживайтесь, присаживайтесь. Мы его унесем. Чего я только в жизни не носил! Раз, когда я был еще подмастерьем, поспорил, что в полночь снесу на спине четыре... Да вы, возможно, меня не знаете. Пожалуй, эта штука была сказала бы вам больше. (Достает из кармана футляр, извлекает из него бумагу). Как видите, я получил и такое признание.

Иозеф. Да... Действительно... (Пораженный, смотрит, как двое мужчин безраздельно пытаются понять тяжелую заковыку кроватей).

Густав (с самоуверенностью человека, привыкшего давать добрые советы). Не лучше ли только вынуть внутреннюю часть? (Иозефу). А что вы? Кто вы, собственно такой?

Густав замечает, что те двое уже вынули внутреннюю часть кровати вместе с мертвым, на миг замораживает, потом, тихо напевая траурный марш, медленно шагом следует за процессией.

Il disegno è di Pericoli

«ЭС»

Иозеф. Другая, действительно, упрекают меня, но ведь все это было давно.

Эмиль выходит. Иозеф беспомощно осматривает комнату, подходит к ширме, хочет ее отодвинуть. Появляется Филиппа.

Филиппа. Кажется, я тут забыла... (Быстро подходит к постели, заглядывает в нее, сначала через верх, потом снизу). Как вы будете здесь спать, бедняжка?

Иозеф. Не беспокойтесь, я привык. На военной службе мне приходилось...

Филиппа. Нет, нет, пожалуйста, только не о военной службе! (Ищет под столом). Где я его оставила? Наверное, в столовой. Да, конечно! (Отодвигает стул). Теперь вспоминаю! Именно там, на столе. (Отходит кресло. Вдруг, выпрямившись, застывает. Они стоят, разглядывая друг друга).

Вы на него почти похожи!

ЗАНАВЕС.

Картина вторая. Комната Алеша.

Старомодный письменный стол, на нем пишущая машинка, в которую вставлен нетронутый белый лист. Рядом — столик с аквариумом. Алеш, лежа на диване, смотрит в потолок. Чешет грудь. Встает, подходит к аквариуму, берет из мепочки щепотку корма и медленно сыплет в аквариум. Наблюдает за рыбками. Потом возвращается к дивану, собираясь снова лечь, но раздумывает, достает из шкафа мощный полевой бинокль и только после этого идет к дивану, ложится, одной рукой чешет грудь, другой держит бинокль, наблюдая за рыбками. Стук в дверь. Алеш с поразительной быстротой вскакивает с дивана, садится к столу и печатает на машинке несколько букв.

Алеш. Войдите!

Густав (войдя). Ах, Алеш! После такого дня — ты не дашь себе покоя!

Алеш. Именно после такого дня. Куда сбегать, если не к тому, что для тебя — все. Только не вливай, знаю, и ты выдержишь сражение.

Густав (молча). Немного поупражнялся в подписях. Но не хочу тебе мешать.

Алеш. Сказать по правде, ты все равно уже помешал. (Убежденно). Я не виноват, стоишь скрининг двери — и я не соролоточусь до конца дня. Но ты — сам знаешь — мог бы войти хоть и полночь.

Густав. Приехал доктор. А того молодчика я видел: прячется там внизу, за оранжерею.

Алеш (пока Густав говорит, несколько раз перескакивает комнату). Вот видишь! А тут еще некоторые... Разумеется, речь не о тебе, но среди нас все больше распространяется цинизм.

Густав. Ты имеешь в виду Цирила?

Алеш. Хотя бы. Вспомни его замечания! Ты шел через двор — а почему не мокрый? Да и не только это. А его отношение к окружающим... Он как бы взирает на всех сверху вниз! Вспоминаю, как однажды — да ведь и ты там был — он рассказывал историю о священнике, который изнасиловал...

Густав (хохочет; подойдя к столу, читает напечатанное на листе). Марабуру, если бы ты знал, Марабуру!

Алеш. Такая уж у него позиция. Носится с собой, как с писаной торбой. Я не хотел говорить, но у него это, возможно, прямо в крови! Ты хоть знаешь, из какой среды он вышел?

Густав. Я бы искал причину в чем-нибудь другом. Нам же известно, в какой среде он был все эти годы. Сперва со спортсменами, а потом...

Алеш. Нет, пожалуй, нет, помню его еще до той поры, как я был депутатом. Уже тогда это в нем сидело... Что-то хозяйское. Такие вещи человек просто носит в себе.

Густав. Знаю мы, что он делал с тех пор, как ушел из спорта! (С невероятным презрением). Социальный параграф! Ну скажи, для чего параграфы, когда уже царит справедливость?

Алеш. Возможно. Все взаимосвязано. Но я вынужден повторить: такие вещи всегда коренятся в глубоком прошлом... прямо в крови!

Густав. Ты полагаешь, у нас еще не царит справедливость?

Алеш (испуганно). Что ты! (Пауза). Да, я чувствую: все — от этих параграфов. От них все беды... (Разгорячившись). Сам знаешь, ненавижу не в моей натуре, по крайней мере — нездоровая. Но эти параграфы, их я просто ненавижу.

Стук в дверь — входят Эмиль и Цирил.

Цирил. Мы с маленькой ночной прогулки.

Эмиль. Доктор сидит в столовой. Едва поздоровался.

Алеш. Почему не придет к нам? Он ведь всегда, как только приезжал, встречался с нами.

Эмиль. Думаю, это дело рук Филиппы. Вы ее не видели?

Густав. Филиппа давно спит.

Цирил. Он хочет знать — с кем.

Эмиль (резко обернувшись). Я не позволю, ты, фязкультурист!

Алеш (подчеркнуто). Мне не нравится, что он сидит там один. Похоже, он встретил кого-то жгет.

Цирил. Молодчика мы встретили в коридоре. Ходит тихо, в войлочных тапочках — не слышимый! (На цыпочках подходит к столу, читает). Марабуру, если бы ты знал, Марабуру!

Алеш (взвздывая). Но, возможно, он подглядывает. Возможно — эти двое. (Встает, несколько раз в волнении перескакивает комнату). Нет, нет, простите. Я не справился с нервами! (Садится).

Эмиль (неожиданно). Что за речи, что за тупость. Я единственный из вас что-то собой представлял. А взгляните на меня! (Вытягивает руки вперед, точно слепой. Руки дрожат). Участник конгресса — ныне участник замковых безобразий, раб недоучки! Но теперь конец! Я еще могу вырваться из этих стен! Поэтому что я... (Стучит себя по лбу). Требу тишины!

Не нужна мне ваша унаследованная от дедов слава! В этот момент я решился. Возвращаюсь к нормальной жизни!

Густав. Какой трудный день. Уже почти полночь — а мы не спим. И совсем недавно — мертвец. Вспоминается случай: это было тоже в полночь, когда я еще был подмастерьем. И поспорил, что снесу четыре...

Эмиль (уже спокойно). Ненавижу эти лица, эти речи, Филиппу, всех вас. И его ненавижу. Он он сразу набросился на нее, точно в пустое место. Если б мог, я бы его еще раз... (Сжимает кулаки. Общее оцепенение).

Ухожу, немедленно ухожу! (Встает, но идет не к двери, а к столу. Читает). Марабуру, если бы ты знал, Марабуру! (Возвращается в кресло).

Входит Бернард.

Бернард (направляется напрямик к окну). Туман, тишина. Ничто не шелохнется. Когда-то, помните, мы сходились и в дождь, собирались там, под окнами. А теперь — ни души. Мы тут словно волчья стая.

Густав. После такого дня просто необходимо опереться о что-нибудь плечо. Мы убедились в этом и...

Цирил (резко). Ты что-то хотел сказать?

Густав (испуганно). Нет, нет, ничего!

Бернард. Он хотел сказать: мы убедились и на примерах из природы. Взять хоть травяную вошь...

Густав. Как это? (Пауза. Смеется, точно что-то понял). Ах, вот оно что...

Бернард. Я говорил с доктором. (Мгновенное оцепенение). И молодой тоже не спит. Жгет свет. Наверное, устраивается. Как тот. Еще и насистивает. Как тот. (Всеобщее оцепенение, только Бернард непринужденно подходит к столу. Читает). Марабуру, если бы ты знал, Марабуру! (Возвращается к окну).

Цирил. Остротелая ночь! Хотел бы отыскаться кака-нибудь бутылка.

Алеш. Но это ведь может означать... А что он насистивает?

Бернард. Я бы сказал, это... (Насистивает), свадобный марш. (Снова насистивает). Пожалуй, из «Лознгринга».

Цирил. А доктор сидит и ждет. Мы тут, он там, а молодой...

Густав. А молодой шастает по коридорам! Алеш (настойчиво). Он действительно насистивал именно это?

Цирил. Повторяю: должна найтись кака-нибудь бутылка.

Алеш. Вот что я хочу вам сказать. Не нравится мне, что он насистивает именно это. Помню, еще в войну, не сердитесь, приходится вспоминать: пф нашего, вернее вражеского гестапо, мы звали его Ганс, когда женился, зкий проходимец, на его совете было столько наших женщин... Так ему играли (Драматическая пауза). Тот же самый марш!

Густав. Но это могло бы означать... Помните момент, когда он здесь появился? Что если он подослан? Такое мы уже однажды пережили — появлялся человек. Мы думали — случайно, а оказалось — подослан.

Эмиль. Не нравится мне все это

(Окончание. Начало на 8—9-й стр.).

Цирил. Возможно, были какие-то трудности с... формулировкой?

Доктор. Нет, разумеется, нет. Но вы, наверное, знаете — при всем уважении к Замку или точнее, именно ради него, свидетельства о смерти теперь выдает, так сказать, специальная комиссия. А потому я бы...

Густав (оживленно). Но это же прекрасно! Мы не умели достойно завершить нечто столь ответственное, как жизнь человека! Скажу прямо: доктор, если вам в вашу комиссию нужен будет еще один член, я уже подписывал документы такого рода.

Доктор. Я только хотел вас предупредить. Думаю, это мелочь, но кое-кто мог бы употребить ее и во зло, особенно если учесть, что речь о таком отчетливом инфаркте.

Эмиль. Где Филиппа?

Цирил. Еще раз повторяю, в такую минуту... Найдется тут, наконец, бутылка?

Алеш (поколебавшись, открывает буфет, из батареи бутылок берет одну; торжественно). Ваше здоровье, пан доцент, простите, что не могу предложить чего-нибудь получше, вы должны понять нас, непьющих! (Разливает вино по миниатюрным рюмкам).

Доктор. Я принимаю это как награду. Позвольте чокнуться с вами и с вами, со всеми, однако я, действительно, больше не смею вас задерживать, это было бы грешно, я не хотел бы портить вам настроение. У вас тут так красиво, уютно!

Алеш. Вот именно, пан доцент. Трудимся до седьмого пота. Взгляните, у меня новые живородящие рыбки, не желаете парочку? (Торжественно). Я вывел их специально для вас, доктор!

Цирил. Свидетельство о смерти уже оформлено?

Доктор. Разумеется. Однако я хотел бы поделиться с вами кое-какими сомнениями.

Цирил. Так значит, все уже завершено?

Доктор. Конечно. Прошу вас, не придавайте моим словам значения...

Цирил. Итак... (Встает). Мне жаль несчастного парня. Прошу вас — вспомним о нем в эту минуту. (Знак головой. Все, кроме Эмиля, встают, на миг застывают с поднятыми рюмками и вновь садятся).

Доктор. Благодарю вас. Я всегда рад, когда представляется случай заехать сюда. (Оглядывается по сторонам). В этих стенах есть что-то необычное, только здесь сознаешь, насколько может возвыситься человек. Но именно здесь я всегда напоминаю себе и об опасностях, которые подстерегают столь крупный организм, каковым является человек.

Иван
КЛИМА

ЗАМОК

Бернард (от окна). Доктор хочет сказать, что нашее умершего обнаружены синяки. (Всеобщее оцепенение).

Доктор. Вот это вы напрасно. Я не стал бы фор-

мулировать в столь сильных выражениях.

Цирил. Но свидетельство уже отослано?

Доктор. Будьте спокойны, я...

Цирил. Так значит — все завершено!

Доктор. Несомненно. Осталась, собственно, ерунда. Я, конечно, понимаю, бывают некие обстоятельства в личной или общественной жизни, порой вынуждающие к шагам, о которых мы позднее сожалеваем. А сожалея, мы должны пребывать в безусловном стремлении в дальнейшем их избегать.

Алеш. Но, господин доцент, человек реагирует на ситуации, а не на стремления.

Доктор (кланяясь, примирительно). Вот, собственно, и все. Прошу вас, извините, если помешал, и пусть мой приход не вызовет у вас никакого беспокойства. (Уходит).

Густав. Однако он... он нам угрожал?!

Бернард. Доктор в какой-то мере идеалист. Жаль, что некоторые неспособны его понять.

Алеш. Извините, но с нас уже, пожалуй, хватит ваших поучений. (Встав, кричит). Такого здесь в ночные часы никогда не бывало! (Снова садится). Прошу прощения. Я немного перетрудился. А тут еще эти события!

Цирил (торжественно). Друзья! Вы нервничаете. А кое-кто и вовсе паникует. Не забудем, что мы тут не для того, чтобы чего-то бояться, а чтобы выполнять свое предназначение. В нас верят. Больше спокойствия, друзья!

Алеш (с облегчением). Да, да, именно так... Все будет как прежде! (Берет бутылку, идет от кресла к креслу, наливая. Вдруг останавливается перед пустым креслом). Кого-то не хватает!

Цирил. Мертвого.

Алеш. Ах, да!

Бернард. Здесь тот молодчик... Почему никто его не позвал?

Эмиль. Потому что... (Встав) может, все-таки есть на свете место, где мы не обязаны сидеть с кем попало.

Алеш (Эмилю). Разумеется. (Остальным). Он прав, но с другой стороны, прости: мы вроде бы должны поддерживать молодых, привлекать, пока их души чисты. (Прошел мимо пустых кресел к столу, с удивлением читает). Марабуру, если бы ты знал, Марабуру!

ЗАНАВЕС

Перевела с чешского
Виктория КАМЕНСКАЯ.